

Валерий
ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

В лесу было накурено

Валерий Зеленогорский

В лесу было накурено

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=297582
Зеленогорский В. В. В лесу было накурено : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57969-3*

Аннотация

«В лесу было накурено» – не просто книга невероятно смешных и в то же время мудрых баек «за жизнь», но малая энциклопедия современности. Уникальная авторская философия – сплав цинизма и гедонизма – поднимает настроение и помогает выжить в трудных ситуациях. Улыбнуться своим слабостям и неудачам, не относиться к себе слишком серьезно и жить легко и со вкусом. «Я не искал героя своего времени, мои персонажи вовсе не герои, они не совершали подвигов, не получали наград и не претендуют на то, чтобы вести народы в будущее. Они просто жили или живут среди нас, их подвиг – встать утром на работу, накормить детей и не сказать близкому то, чего говорить не следует».

Содержание

Кое-что в защиту лузеров	4
Эпизод I	5
Хор мальчиков	9
You are in the army now	10
Ковчег	12
Девушка, которая...	14
Микромагия, или Ебем, гадаем, ворожим, поем в любой тональности...	16
Поэт в России больше, чем...	17
Путешествие по горячей путевке	20
Увидеть Париж и...	22
Кони привередливые	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Зеленогорский

В лесу было накурено

Автор выражает благодарность Светлане и Константину Николаевым за бескорыстную помощь и поддержку.

Кое-что в защиту лузеров

Моя взрослая жизнь совпала со временем, когда модно было читать. Сегодня модно считать.

Считают все. У кого есть, считают свои, кому не повезло – чужие.

Альтернатива этому есть: можно писать и читать самому, можно заставить читать жену, сложнее детей, но и один читатель – это уже много.

Я собрал под одной обложкой два эпизода, которые, как кассетные бомбы, разорвались в моей голове и разлетелись осколками историй из разных жизней, времен и дат.

Я не искал героя своего времени, мои персонажи вовсе не герои, они не совершали подвигов, не получали наград и не претендуют на то, чтобы вести народы в будущее.

Они просто жили или живут среди нас, их подвиг – встать утром на работу, накормить детей и не сказать близкому то, чего говорить не следует.

В их поступках много эмоционального, не взвешенного на прагматических весах. Наверное, их не ждет строчка в «Форбсе» и замок под Версалем, но им и в Митино хорошо, и яхта, которая им снится, – из книжки А. Грина, а не из журнала «Роб Репорт».

Эпизод I

Секс в небольшом городе

Я окончил школу, когда еще не было дезодорантов, никто не брил подмышек и ног и причинное место женщин представляло дикорастущую кущу по фасону «пудель». Слово «эпиляция», как и «менструация», было неприличным.

Женщины носили белье двух фасонов: панталоны летние до колена и панталоны зимние на байке, фасон – за колено. Люди мылись в полный рост раз в неделю. Одеколон «Шипр» был три в одном: парфюм, дезодорант и освежитель рта.

Желания были острыми и требовали конкретной реализации. «Камасутры» не было, поэтому основными источниками были воспаленное сознание, наскальные рисунки и надписи в туалете и рукописное сочинение «Баня», приписываемое одному из Толстых. Это были три кита, на которых стоял мир вожделений.

Мне было семнадцать лет, анатомию я изучал в раздевалке спортивного зала контактно и бесконтактно. Небольшой опыт слияния с женским полом был, но до главного не доходило по разным причинам. Для этого было необходимо три компонента: что? где? когда?

По первому вопросу ситуация была более-менее ясна. Ответ абсолютно однозначен – всех!

Где? Это была проблема из проблем! Дома нельзя, в подъезде неудобно и холодно, на природе – очень мало солнечных дней, и вообще климат в России не располагает.

По третьему вопросу ответ неоднозначен: утром – учеба, днем – рано, вечером – им надо домой. Вот такой фон, на котором происходит история моего грехопадения. Поступив в институт, где в основном были девушки, я предполагал, что вопрос будет решен по закону перехода количества в качество. Для нормальной жизни в институте необходимо было избежать посещения урока физкультуры и поездки на картошку. Для этого было приобретено удостоверение кандидата в мастера спорта по настольному теннису. Выбор вида был определен однозначно. Данный вид спорта был мне доступен. Через месяц после начала учебы меня вызвали на спорткафедру и объявили о республиканском соревновании клуба «Буревестник». Учитывая, что я по рейтингу был в команде суперпервый (у меня было удостоверение), я понял, что за все в этой жизни надо платить и позор, который меня ожидал, был неминуем.

Мне выдали спортивный костюм и вьетнамскую ракетку, и мы поехали. В столице братских славянских государств в новейшей истории нас поселили в общежитие иняза и дали талоны на питание в кафе «Березка» в центре города. Описать его сейчас мне трудно – это было как сегодня «Vogue-safe». Там собирались девушки из иняза и юноши из элитных вузов. Я тогда не пил ничего, а стакан вина «Монастырская изба» делал из меня Мела Гибсона за 7–8 минут. В то время в ресторанах и кафе сидеть одному или парочке за отдельным столом было невозможно. Столы набивались незнакомыми людьми. Мне выпал такой расклад, что я сидел с парой дебилов-командированных и молодым человеком, который представился сотрудником Института технической эстетики. Через минут пять он стал моим гуру, Моисеем, и мы выпили бутылку вина. Он спросил меня, хочу ли я познакомиться с местными куртизанками. Я бодро сказал, что не против, но опыта у меня немного, то есть никакого. Знакомство с таким социальным явлением, как проституция, было на уровне «Ямы» Куприна. Но нужно было начинать и вступать в мир порока и неумных страстей. Территориально зона греха и порока располагалась в сквере рядом с ЦК партии. Мой новый друг вел меня на сексуальную голгофу.

В то время никто не знал 90–60–90 и вкусы были разношерстными. Мне нравился вариант среднерусская низкосрущая, формы пышные, жопа стульчиком.

В первом приближении объекты соответствовали, это был стандартный набор – черненькая и беленькая, одна симпатичная, вторая по контрасту и, как правило, более доступная.

Знакомство было стремительным и в жестком контакте. Через минуту черненькая сидела на коленях у моего гуру, мне досталась бледная тень и наперсница звезды. Довольствуясь малым, я искал преимущества менее качественного объекта, где главным была доступность.

После предварительного маркетинга стало ясно, что сегодня нам ничего не обломится, это была стандартная ситуация – «не сразу». Денежный эквивалент отсутствовал по определению, главенствовал натуральный обмен. Было принято решение на следующий день выехать за город в зону отдыха. Эта тема требует пояснения. Отсутствие мест соития в принципе требовало от участников нескончаемой изобретательности. Мой гуру знал, что в данной зоне отдыха был создан палаточный городок, где за один рубль можно было получить палатку с тюфяком и постельным бельем и, что характерно, паспорт не спрашивали. Я до сих пор не понимаю, как это могло быть! Есть подозрение, что это была тайная программа по изучению межвидовых отношений в среде комсомольцев. С утра, прикупив вина и какой-то еды, мы ждали на вокзале своих наложниц. Я заметно волновался. Определив логистику, я был в состоянии Матросова перед падением на амбразуру. При свете дня моя избранница оказалась еще хуже, но коней на переправе не меняют. Приехав на место, получив палатку и серое белье, я пошел в психическую атаку.

Вина я не пил, организм в ту пору не принимал алкоголь на генетическом уровне. Опыт употребления был негативным.

Первый серьезный удар я получил в 16 лет. В десятом классе у меня был роман с красивой девушкой. Отношения были серьезными, и все шло по нарастающей. Секса в полном объеме не было. У девушки была бабушка, которую каждое утро водитель выносил во двор на свежий воздух. Но когда я с девушкой возвращался домой для постельных упражнений и слышал шаги бабушки на лестнице, они звучали в моей голове как шаги Командора в известной трагедии. Желание пропадало, а я размышлял, какая сила могла поднять бабушку для сохранения девственности тела внучки. В один из дней девушка хотела представить меня своим друзьям из элитного класса. Я был младше их на год и ни разу не носил костюма – его у меня просто не было. За три дня мне перелицевали костюм брата. К сожалению, портной был не Гусси, костюм на мне не сидел, а лежал.

Когда я пришел на свой первый бал, девушка нервничала, ожидая меня.

Один юноша, видимо, потенциальный соперник, решил меня вывести из строя и налил мне стакан водки до края. Я понял, что это тест на вшивость. Я ставил на эту ночь очень многое и решил, что надо выпить. Свои ощущения передать не могу, но в результате острого токсикоза я начал блевать на гостей сразу, не успев сесть на свое место. Харч летел из меня вне законов физики, то есть во все стороны. Проведя свою ковровую бомбардировку, я проснулся в кухне в одних трусах. Бедная девушка с отвращением жалела меня и плакала. Крепость я не взял, но понял, что спиртное и секс не идут рядом, а лежат.

Возвращаясь к истории данной темы, мы расположились в прибрежных кустах на пикник. Помня о прошлом, я выпил сухого вина и продолжал борьбу за трусы, девушка была обучена этой игре неплохо, она довела меня, а потом утешила, но благосклонность свою дозировала очень грамотно.

Мой гуру, как человек дела, уже сходил в кусты на первую ходку и плотоядно оглаживал свою дичь, как хозяин. Я же бился, как лось. Кровь шумела в голове, яйца звенели, как колокола.

Дело было к вечеру, и впереди был решающий тайм в палатке. Ночью игра шла с переменным успехом. Девушка надела спортивный костюм, а треники затянула поясом и какой-то веревкой, разрезать которую можно было, лишь только расчленив ее. Зато сверху плацдарм был взят бесповоротно. Сколько угодно, но до полной победы было далеко. Взят был только Киев, и до Берлина был долгий путь.

В электричке наутро я спал как убитый, без сил и надежд. Нужно было отдохнуть и поднакопить силы. Вернувшись в общежитие, я исследовал расположение объектов и нашел комнату, пригодную для низких целей, подготовил ложе любви. Я пошел на свидание с Телом. Тело спокойно приняло приглашение продолжить банкет, проникло со мной в общежитие, где было все готово для победы. В течение часа буднично и споро я получил все, что хотел, не заметив качественного перехода в новый мир – большое видится на расстоянии!

Соревнования еще не начинались. Я еще раз, уже на свежем воздухе, утвердил себя. На третий день в душевой я почувствовал некоторое жжение в причинном месте. Не придав особого значения этому явлению, я продолжал жить настоящим мужчиной. На следующее утро я очнулся с ощущением, что трусы и член составляли единое целое. Трусы стояли, как щит у викинга. Отклеить их от себя было невозможно. Казалось, что кто-то выдавил в трусы тюбик клея «Момент». В душе я провел обследование, мой диагноз был быстрым. Это триппер – медицинское просвещение взяло свое. Поколебавшись, я понял, что надо идти сдаваться в кожнодиспансер. Страха не было, но я понял, что «так дальше жить нельзя». Найти заведение оказалось просто.

Замечу, что в то время родильные дома, диспансеры и почти все медицинские заведения носили имя Н.К. Крупской. Я долго думал об этом феномене и понял, что это месть Сталина Ленину по политическим мотивам.

При первичном осмотре, даже не делая никаких анализов, милая докторша сказала, что мой диагноз верен. Для лечения необходим источник, то есть моя наперсница. Если ее не будет, здесь лечить меня не будут. Ее нужно найти и обезвредить. Кроме ее имени и смутного упоминания, где она работает, я не располагал больше никакой информацией. Я вспомнил фильм «Семнадцать мгновений весны», когда Штирлиц в подвале гестапо придумывал версию для Мюллера. Ему грозила смерть, а мне бесчестье.

Я реконструировал события последних дней и выловил из больного мозга, что девушка работала. После некоторого маркетинга было два варианта: завод телевизоров и завод электронно-вычислительных машин. Там работало около 20 тысяч человек на каждом, и задача моя была непростой. На следующее утро с зудящим членом я встал на вахту у проходной завода. Смену за сменой я пропускал через себя трудовой потенциал столицы. Ближе к ночи я вычленил из толпы свою пессию. Она была приятно удивлена моей рожей. Шел дождь, мы шли рядом. Она, как светский человек, заговорила о погоде: с неба капает – сказала она.

Я поддержал тему и сообщил, что у меня капает тоже. Она удивилась, но не сильно, заявив, что у нее ничего нет. Это меня не убедило, и я попросил ее прийти к Крупской на освидетельствование. Она пришла, доктор забрал ее, и позже ее посадили в стационар на принудительное лечение. Меня начали лечить, и доктор показала мне схему. Внутри схемы в кружочке была написана фамилия моей девушки, и в разные стороны убегали стрелки, как на плане Генштаба при окружении Берлина. Каждая стрелка обозначала пораженный член.

После первых уколов мне стало лучше; с соревнований меня сняли за неявку, проб на допинг тогда еще не было. Так я не стал олимпийским чемпионом, так как похоть победила дух. Возвращаясь домой, я решил навестить свою девицу, купив букет.

Бабушка на вахте, принимая от меня букет, сказала, что она здесь уже сорок лет и видела разных посетителей. Одни приходили с молотком, другие – с топором, но с цветами она видит впервые. Когда цветы передали, моя ласточка крикнула, что, когда я выздоровлю, могу продолжать.

До встречи, моя голубка!

Занимаясь этим уже второе тысячелетие, к слову сказать (девушки, за которыми я ухаживал, уже начали умирать), пережив революцию от панталон до танга, стрингов и килотов, я утверждаю, что все у нас будет хорошо.

Хор мальчиков

Была оттепель. Мне двенадцать лет. Мой друг, который посещает во Дворце пионеров хоровую студию, сказал мне, что осенью они поедут в Ригу на смотр. Я в хоре петь не хотел, а в Ригу ехать хотел. В то время Рига была для меня круче Куршавеля. К двенадцати годам я нигде не был, а на поезде не ездил дальше пионерского лагеря. Пришлось записаться в хор в группу баритонов. Мне дали белую рубашку для выступлений. Репертуар был патриотично-лиричным. Из соображений политкорректности была подготовлена идеологически не выдержанная песня «Аве Мария». Руководила хором женщина с яркой дирижерской манерой и внешностью Элизабет Тейлор. Она парила и производила впечатление человека, который «по-большому не ходит». Она мне понравилась, но я был осторожен в своих чувствах, имея предыдущий опыт влюбленности.

Летом в пионерском лагере я влюбился в свою пионервожатую. Она со мной была мила. Однажды, прогуливаясь, я увидел, как она трахается с физруком, и перенес большое горе.

Начались выступления в разных местах. В хоре были солисты. Это была элита. Их холили и лелеяли – они капризничали, мы же (хор) были черной костью, на нас орали. Я был нечестолобив и хотел в Ригу.

Однажды нас пригласили на отчетный концерт в колхоз-миллионер, где председателем был Герой Социалистического Труда, еврей. У него кормился весь областной генералитет. Клуб был небольшой, и там было жарко натоплено.

Мы с ходу пошли на сцену. Выглядело это нарядно: белые рубашки, красные галстуки, дирижер с горящим взглядом в длинном платье. Во время исполнения песни «Аве Мария» я почувствовал, как тяжелая волна зловонного духа навалилась на нас, как цунами, и покатила в зал, чуть не сбив нашего дирижера. Диссонанс был оглушительным. Высокое столкнулось с низким и повисло в зрительном зале. Люди в первом ряду пытались сохранить лицо и только морщились. Дальше народ сидел попроще, и побагровевшие люди начали фыркать и закрывать носы. В зале возник ропот. Я понял, что моя мечта превращается в мираж. Кое-как допели программу, занавес закрылся, в нас полетели вопли дирижера: «Кто это сделал, кто?»

Молчание было пронзительным. Оперативное расследование было скорым и жестким. Сразу были отсеяны солисты от остальных; они были вне подозрений. Потом были девочки – они более дисциплинированы. Страх поднимался все выше и выше и в конце концов добрался до баритонов. Эта наименее ценная часть хора должна была пойти на заклание. Выяснять, кто конкретно испортил воздух, божественная руководительница не стала, поэтому попало всей группе баритонов. У нас отобрали рубашки, и я не поехал в Ригу. И всякий раз, когда я приезжал в Ригу, меня преследовали зловонный запах и божественная «Аве Мария».

You are in the army now

Сегодня, когда каждая семья решает проблему отсрочки в армию сразу после рождения мальчика, я хочу рассказать, как это было в период апогея «холодной войны».

У меня лично вопрос «Идти или не идти?» не стоял. Шли все; кто не мог, считались не пацифистами, а гондонами – это было неприлично. Особого желания стать солдатом у меня не было, но отдать долг было необходимо. Тут примешивалась большая тема: если ты еврей, то должен быть не хуже других, чтобы никто не сказал, что ты хитровыебанный.

Был путь через дурдом, но в нашем регионе девушки не любили продвинутых, то есть ебнутых. Быть как все было нормой. Не будучи физически культурным, я понимал, что придется терпеть кое-какие неудобства. Возраст был недетский – 23 года, и срок службы составлял 1 год.

После всех процедур меня определили в мотострелки, т. к. в спецназ ГРУ и роту почетного караула я не подходил как по форме, так и по содержанию. Закавказский военный округ встретил как родного, и местом службы стал солнечный Ереван. Первый день моей службы выпал на седьмое ноября, день, как вы понимаете, особенный. В эту дату солдат даже кормят кулинарными изысками. Обычная еда – это каша трех сортов: горох, овес и пшено, вареное сало и рыба неизвестной породы. В тот же день давали рис, котлеты и пончик с повидлом. После обеда в клубе был дан концерт силами Ереванской филармонии. Стандартный набор предлагал: камерная музыка, фокусник, «каучук», женщина-змея и чтец с программой Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Чтец был армянином, в зале – азербайджанцы и прочие выходцы с Кавказа, я, несколько русских офицеров, кому хорошо жилось на Кавказе. Женщина-змея имела феерический успех, она исполняла такие позы, что все кавказцы воспалились и кричали «Вах!».

Анализируя этот первый день в армии, я подумал, что так жить можно. Следующий день от подъема до отбоя можно описать, опуская детали, одним словом: «Пиздец».

Сержант-грузин не был исчадием ада, службу любил, а меня нет. Ему во мне не нравилось все: и душа, и мысли, и внешний вид. Он хотел видеть меня высоким, ловким, как «Витязь в тигровой шкуре», я же был невысокий, неловкий и больше походил на Швейка (после стрижки наголо, учитывая строение черепа, мой вид был как смесь дауна с гоблином). Я понял, что кто-то должен уйти. В юношеском возрасте я прочитал книгу «Молодые львы» о том, как еврейский парень пошел на службу в американскую армию, дрался со всей ротой каждый день до полного изнеможения, прошел этот путь, стал героем и т. д. У меня задача была скромнее, я должен был биться с системой, а это уже не бокс, а фристайл без лыж.

Приняв допинг в чайной воинской части в виде коржика с кефиром, я сказал себе: «Сейчас не время простых решений!» И начал проводить маркетинг по выживанию в условиях СА.

По рейтингу выживания должности располагались так:

- 1) жених дочери командира полка;
- 2) водитель командира дивизии;
- 3) повар, хлеборез и склады;
- 4) писарь в штабе;
- 5) армянин – житель Еревана;
- 6) истопник в библиотеке.

По первому пункту был облом, так как у командира полка не было дочери, а если бы и была, я бы не проходил по пятому пункту.

По второму – я не водил, у меня не было прав в прямом и переносном смысле.

Пункт 3: питание было исторически зоной ответственности мусульман. Я не мог с ними конкурировать, хотя у нас с ними было много общего (например, обрезание), но этого было мало.

Пункт 4: я мог бы побороться, но вакансий не было, это была элита.

Пункт 5: армяне – жители Еревана служили дома, ночевали дома и не любили евреев. Их лозунг был простым: где есть армянин – еврею делать нечего. Я был полностью согласен не только с армянами, но и с другими народами, которые всегда указывали нам наше место, не давая самого места.

Пункт 6: за этот пункт я мог пободаться.

Во-первых, я любил читать; во-вторых, там тепло. Определив приоритеты, я стал пробиваться в духовно-отопительные сферы. Конкуренция была острой. С одной стороны был мощный интеллект из Москвы, ныне издатель успешной газеты, с другой – милый татарин без духовных запросов, но усердный и благодарный. О себе говорить не могу, так как жажда жизни была огромной.

Библиотекой руководила жена замполита дивизии – женщина яркая, духовно богатая, выпускница педучилища в г. Камышине. По ее мнению, она была последним оплотом духовности со времен Киевской Руси. У нее была большая жопа и алебастровая грудь, повадки светской львицы и королевы гарнизонов, включая Потсдам и деревню под Будапештом. Она намекала, что в их доме на улице Затикиана очень много подлинных шедевров Караваджо, Боттичелли, Босха. Когда я, кивая, сказал, что-де в журнале «Огонек» очень хорошие иллюстрации, я тут же потерял место за свою дикость и бездуховность. Москвич продержался чуть больше, когда сказал ей, что Пастернак не является поэтом Серебряного века, и вылетел с кастинга прямо в саперную роту, где гнил до дембеля.

Победил татарин, как человек тонкий, чуткий и великолепный слушатель и без очков. Потерпев фиаско на ниве духовной, я занялся продвижением в штаб.

Свободных вакансий не было, но провидение было на моей стороне. Писарь продовольственной службы, обнаглев до края, нажрался чачи (местная водка), помочился сдуру на пост № 1 (знамя части). За это полагался трибунал, но его просто выперли с места. Я был водружен за стол, где и началась моя служба без страха и упрека.

Ковчег

Продолжая рассказ о службе в армии, я вспомнил историю, как я строил ящик. После счастливого сидения в штабе я захотел еще большего и договорился с начальником медслужбы о направлении в окружной госпиталь для обследования по двенадцати болезням, две из которых предполагали летальный исход.

Окружной госпиталь был одновременно мечтой для тех, кто устал, и невольничьим рынком для разных маленьких и больших начальников от медицины.

Прием и обследование в госпитале проходили так. Никто не спрашивал, что болит, все спрашивали, что умеешь делать. Завотделением общей хирургии взял меня печатать лекции по ГО, которые он читал санитаркам. Дни текли неспешно, после завтрака я ходил в кабинет завотделением и двумя пальцами печатал херню по ГО. Срок пребывания в отделении был ограничен – всего 21 день, а привычка жить хорошо развращает. Я стал изучать вопросы других отделений.

Отделения инфекций и туберкулеза были отвергнуты сразу, а вот ухо-горло-нос – это было реально. Проведя предварительную беседу с заведующим, я получил добро и стал готовиться к работе на предмет политпросвещения. В новом отделении было хорошо, но случай изменил все. Одна аспирантка готовила диссертацию по гаймориту; я вошел в опытную группу по изучению проблемы носоглотки. Она была неталантлива, но упорна. До тех пор, пока она изучала вопрос в теории, я был ею доволен, но переход к практическим опытам на людях потряс меня.

Когда девушка, без тени сомнения взяв долото и деревянный молоток, стала рубить в моем носу перегородку, я понял, что доктор Менгеле в Дахау – ребенок против нашей мастерицы. Когда она назначила повторную рубку для чистоты эксперимента, я, срочно выздоровев, вернулся в часть, где меня уже не ждали, место было занято, и я пошел в саперную роту, где и продолжал служить.

После всей лафы в штабе и госпитале я стал рядовым солдатом без привилегий. Заступив на тумбочку в первый день по приезде, я сошел с нее через месяц. Я спал стоя, чистил полковой туалет два раза в день и делал все, что надо и не надо. Принимал я это как иллюстрацию к закону о сохранении энергии.

Демократию я любил с детства, и она не подвела меня. Объявили выборы в очередной Верховный Совет, и понял я, что буду политтехнологом. Блок коммунистов и беспартийных всегда набирал свои проценты, но антураж и агитация стали для меня спасением. С красной тряпкой я разобрался быстро, ее было везде до хера, а вот текст Конституции на русском языке был дефицитом. Но библиотека ЦК Компартии Армении лишилась своего экземпляра с моей помощью навсегда. Уголок агитатора, сделанный мной в казарме, был лучшим в полку. Потом, много лет спустя, я участвовал во всех выборах – начиная от Дем. выбора до последних выборов мэра г. Лыткарино. Мои кандидаты всегда проигрывают, но те первые выборы я выиграл с большим отрывом.

После выборов я получил приглашение поехать на целину в составе воинского контингента.

Меня забрали в столицу, где я приступил к строительству хлебного ящика для работы на полях Ставропольского края и Казахстана.

Опыта строительства подобных объектов у меня не было, но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Ящик я строил на хоздворе, там и жил. По мере строительства ящика я переехал в него, где днем его строил, а ночью в нем спал. Объемы и масштабы строительства росли, и мне дали в помощь молодого солдата Ишханова, маленького, щуплого и голодного. Он рассказывал, что по образованию радиоинженер, но, когда звонил нам прапорщик, он

отвечал, клал трубку на рычаг и шел меня звать. Видимо, в его вузе не было практических занятий. Он тоже спал со мной в ящике, так мы и кантовались. Ящик получился на загляденье, но не входил ни в один автомобиль и весил без хлеба столько, что грузили его в вагон ж/д краном.

Прибыв в г. Изобильный, мы расположились в школе-интернате, где начались каникулы. Мой прапорщик стал окучивать шеф-повара, а мне досталась полкомойка. Я носил наложнице прапорщика домой продукты, она дарила ему благосклонность. В душевой нашей столовой я закрывался после отбоя с полкомойкой и любил ее как умел. Но однажды, напившись, мой хозяин пришел в неурочный час и стал ломиться в душевую, подозревая меня в посягательстве на свою сдобную Райку. Я не открыл, утром он сказал, чтобы я пошел на хуй, т. к. он мне не может доверять сохранность продуктов и точность подсчетов. Мы оба знали, в чем суть разногласий, но это мне уже было по барабану. Я стал свободен и делал в штабе только черную работу. На дворе был 73-й год, на Ближнем Востоке был очередной кризис, и как-то ночью начальник штаба устроил подъем и рассказал нам, что мы срочно грузимся и имитируем движение эшелонов в южном направлении; далее грузимся в самолеты и вылетаем тремя группами в Киншасу, Замбези и Намибию, двигаемся скрытно на Голанские высоты. Вся эта речь была обращена ко мне, единственному представителю еврейской пятой колонны. Я срочно осудил израильскую военщину, он успокоился и пошел спать. Закончив уборку урожая в Казахстане, я ушел на дембель без знаков отличия.

Девушка, которая...

Девушка моей мечты нажралась в самолете как свинья. Мотивы для этого были железобетонные.

Вид блюющей женщины много лет назад сослужил мне плохую службу. Я учился в скромном вузе и на дипломную практику поехал не в Москву или Питер, а в маленький город на западе Белоруссии, известный тем, что в 1939 г. советские и германские войска там проводили совместный парад по случаю раздела Польши. Городок был симпатичным; два ресторана, один из которых был славен женским оркестром, где тетки лет пятидесяти жарили музыку для командированных. Второй был элитным: там столовались иностранные рабочие из Италии. Они монтировали оборудование флагмана легкой индустрии на местном трикотажном комбинате, где я проходил практику. Они монтировали и окучивали местных телок на предмет «дольче вита». Простые итальянские мужчины из Пармы наводили сексуальный террор на всю округу, включая Брест, пограничный город, уже знающий, что почем. Эти дети Муссолини и Челентано жили в СССР как римские патриции. Днем работали руками, а вечером пили кьянти и граппу, жарили местных, как в фильмах Тинто Брасса.

Был 1970 год, и старожилы утверждали, что первый минет был в этом городе, а не в Питере. Все финны против итальянцев не тянут. В этой ситуации я не мог конкурировать с ними и перенес свой офис в ресторан «Заря».

Великий и могучий помогал мне противостоять римской экспансии. Бедная девушка из г. Барановичи итальянцев боялась, у нее не было навыка борьбы за счастье на чужбине. А тут я, молодой, залетный и понятный, как пять копеек. Роману с ней предшествовала история в ресторане «Заря», где я коротал свободные вечера в поисках сладкой жизни. В этом ресторане у меня была перспектива: туда приходили тетки в кримплене с люрексом в ожидании встречи с Ним... Его никто не видел, но молва описывала его как мужчину средних лет из главка, вдовца с квартирой в высотке, с дачей по Минке, без детей и связями во Внешторге. Я пришел в «Зарю» в очередной weekend выпить клубничного пунша и съесть бифштекс с яйцом – хит советского общепита. В 10 часов вечера начинался последний танцевальный блок с «белыми танцами» и возможностью продолжить в другом месте в другой позиции. Моим соседом по столу был управляющий трестом сельхозтехники, партийный товарищ в галстук и туфлях «Саламандра». Он представлял собой статного мужчину с лицом молодого Кадочникова и манерами тракториста. Нажрался он быстро и начал вращать головой, прицеливаясь во всех фигуранток. Глаз на него положила королева местных телок. Ее звали Нина; возраст неопределенный, с халой на пергидрольной голове. Кримплен, люрекс, сапоги-чулки, губы – красный мак и мушка, сделанная химическим карандашом на левой щеке. «Максфактор» против Нинкиного грима отдыхает. Все было при ней, кроме мужа и перспектив. Прежний муж сгорел на работе в прямом смысле слова, оставив ей в наследство двоих деток и маленький дом на окраине. Девушка она была решительная и твердо взяла шефство над моим новым товарищем. Я тоже не остался без внимания. Перепутав мою внешность с кавказской, она стала звать меня Гиви и подогнала свою подругу, похуже, но бойкую. Она была невысока, рябая, говорила мало, и что особенно привлекало в ней – это рука в гипсе от кончиков пальцев до шеи. В сочетании с черным бархатным платьем с двумя разрезами это был высший класс. Ее состояние не смущало ни ее, ни меня; оно мне даже нравилось. Женский оркестр завершил программу, и начался исход. Нинка поставила мне задачу идти в буфет, взять сладенькое детям и винца для мамы. В буфете я, он же лже-Гиви, стал решать эту проблему. Денег у меня было немного больше 1 рубля. Дюжину шампанского и фруктов брать не стал, ограничился клубничным пуншем и двумя шоколадками «Аленка». Такси не было, поэтому мы пошли пешком. Девушка с гипсом вела меня уверенно

и все время спрашивала, почем гранаты в Евпатории. Я, естественно, не мог знать этого и намекал ей, что давно не был дома. Евпатория для нее была знакомым местом: видимо, в детстве она лечилась от полиомиелита, следы которого были заметны. Придя в дом королевы минета, как сообщила Нинка мне доверительно по дороге, она одарила деток шоколадками, и мы сели за стол. Быстро налили по стакану и сразу перешли к оргии. Последнее, что я увидел, – это кальсоны моего товарища, снятые Нинкой с него вместе с трусами и носками. Все, что делал этот мужчина целую неделю в командировке, было предложено невооруженному глазу исследователя. Вчерашнее дерьмо, поллюции среды, пятна от кильки с пятничного завтрака – чистый абстракционизм. Если эти кальсоны вывернуть наизнанку сегодня в галерее, можно получить грант от фонда Сороса или премию «Триумф» за концептуализм.

Очнувшись через час, я обнаружил, что Нинка одной рукой шарит по моим карманам в поисках легких денег. Увы, ни легких, ни тяжелых луидоров там не было. Когда, открыв мой паспорт, они выяснили, что я не Гиви, ярости их не было предела. Возглас «Жид пархатый!» поднял меня из постели, и под проклятия моих подружек я вылетел во двор. Ночь, зима, денег нет, оскорбленный по национальному и половому признаку, я стал крушить стекла на веранде. После этого происшествия я вынужден был поменять дислокацию и перейти в другой ресторан, так как в «Зарю» ходить мне было нельзя – Нинка порвала бы меня в клочья. В «Днепре» я встретил за обедом девушку, некрасивую, с яркими глазами и страшной притягательной силой. Мы с ней встречались несколько раз; она рассказывала мне про книжки, называла фамилии, которые я, выпускник советского вуза, не только не знал, но и выговорить не мог. Она была из Питера, жила в этом городе в административной ссылке за антисоветскую деятельность. Под присмотром дяди, который работал директором училища культуры, где она подрабатывала концертмейстером. Вечером с ней встречаться было нельзя, так как дома ей надо было быть в девять. Сегодня, когда я знаком с В.И. Новодворской, у меня есть подозрение, что это была она.

Вечера, когда не было денег, я коротал с рабоче-крестьянской девушкой в общежитии. У нее была отдельная комната; я же жил с местными дебилами, четыре человека в комнате, где царили вандализм и полная антисанитария. Она варила сардельки, гладила меня по всем местам и молчала как рыба. Срок практики истек, и я поехал по постоянному месту прописки. Вскоре выяснилось, что материалы для диплома я не собрал, и мне пришлось ехать обратно для пополнения данных моего исследования под названием «Социалистическая экономика в свете решений XXIII съезда КПСС по развитию верхнего трикотажа артикула 8018».

Сделав остановку в городе моей девушки, я встретился с ней в местном ресторане. В те времена я не знал, что католики отмечают Рождество с 24 на 25 декабря. Девушка была кандидатом в члены КПСС и ревностной католичкой. Костела не было, вернее, он был, но размещался в нем клуб завода «Кожевник». Зато дома у них было все как в Ватикане. Это был вечер 25 декабря, девушка приняла с папой литр «беленькой», а со мной в ресторане красненького и поплыла так, что ее нужно было срочно эвакуировать. Раз двадцать она падала, убегала от меня: видимо, ей привиделось, что я не тот, за кого себя выдаю. Потом в последний раз она убежала в зимний парк, красиво упала, задрав ноги выше головы. Картина, которая мне представилась, была чудесной. Лежащая фея в старых теплых панталонах убила мою любовь наповал.

Есть три великих вопроса, на которые должен ответить мужчина, выбирая себе жену: если вам нравится, как ваша избранница гадит, спит и блюет, значит, это ваша женщина!

Микромагия, или Ебем, гадаем, ворожим, поем в любой тональности...

Сегодня, когда модно гадание на картах, останках реликтовых насекомых, наступил рассвет самых махровых явлений бытового мракобесия, я помню свой опыт манипулирования общественным сознанием. Дело было так.

После окончания вуза я пришел в сентябре на фабрику автоматизированного производства панталон в совершенно новой сфере на базе ЭВМ. Вычислительный центр, где я начал работать, был, а ЭВМ по плану должна была поступить в I квартале следующего года. Чтобы не терять квалификацию системного аналитика, я был послан на сбор корнеплодов в местный колхоз.

Утром нас посадили в автобус, и мы поехали пополнять закрома родины. Я никого не знал и поэтому молчал в тряпочку. Вокруг люди разговаривали, смеялись; я гордо смотрел и слушал. Мы приехали, расположились, выпили, и проблема досуга встала ребром. Тут я весь в белом вышел на сцену и стал пытаться заявить о себе посредством гадания и микромагии. Опыта у меня не было, а наглость имела место в полном объеме. Из известных мне психопрактик я опирался на журнал «Наука и жизнь», где был раздел «Психологический практикум», где я запомнил трюк, когда человек, владеющий методом психомоторики, предлагает человеку из десяти карт выбрать конкретную, и с помощью передачи приказа в момент контакта (то есть взяв человека за руку) выбранная карта отдается и показывается. Я показывал этот номер за столом.

Так вот номер по угадыванию карты был продемонстрирован, но, учитывая, что я выпил, коэффициент угадывания был ниже обычного. Требовалось эффектное завершение. Я стал гадать по картам. Предки мои – не цыгане и не тибетские ламы, пришлось создать свой метод (он был прост и наивен). Схема была следующая: красная масть – хорошо, черная – плохо; бубны – лучше, крести – очень плохо; 10 бубен – хорошо учился в десятом классе, дама – была девушка, валет – малый из параллельного класса, король – старый поклонник, король крести – начальник, требующий близости, и т. д. В таком ключе я и работал! Первые люди были заморочены очень быстро, но требовался эффектный удар.

Наконец ко мне за стол села девушка из бухгалтерии; когда мы ехали в автобусе, она рассказывала своей подруге о романе с главбухом, который предлагал ей соитие на рабочем месте в обмен на мелкие подачки и направление в институт. Первые ответы были подготовкой, а потом, дождавшись крестового короля, я задвинул, что у нее есть старый мужчина, она покраснела, и тут я ей сказал, что могу рассказать, что это за человек. Она сошла с ума от проницательности карт. Все были поражены моим даром провидения, но был и неверующий Фома, юноша хулиганского типа, который в грубой матерной форме отрицал, что я Ури Геллер или Кио, и все время комментировал не в мою пользу. Я решил, что надо его сделать. Он сел ко мне, и начались исследования. 8 крестей сообщили о том, что учился он плохо и попал в детскую комнату милиции за кражу велосипеда. Для него я комментировал только черную масть, он пока трепыхался, но когда вышла 8 пик, я сообщил ему, что у него есть мопед – это сразило его наповал. Это я услышал от него самого, когда он прощался с приятелем до выезда на картошку.

Утром я встал рано, вышел во двор и увидел, что он сидит на крыше дома, где мы жили, в тяжелой задумчивости.

Он спросил меня: «Откуда ты узнал про мопед?» – «Карты не врут», – ответил я. С тех пор я гадаю, ворожу, пою в любой тональности.

Поэт в России больше, чем...

Мужчины, как правило, женятся под давлением обстоятельств. Внутри данной особи живет железный принцип: совместное проживание – не единственная форма существования. Можно было бы и не жениться, но мама, папа и т. д.! Я и сам первый раз женился из корыстных побуждений. Я жил с родителями в двушке без вариантов размена. Родители мои были уже серьезно больны, и мой темперамент никак не способствовал их спокойной лекарственно-больничной жизни на пенсии. Приходить поздно, валяться до обеда в выходные, пьянствовать на их глазах было нестерпимо. Кризис поколений заставил меня жениться на девушке с квартирой в центре. Она была не хорошей, не плохой, а жить с ней, казалось, будет удобно. В то время хороших писателей было мало. Одним из них был Трифонов, написавший блистательные книги о жизни, непохожие на блуд и гадость советского реализма. Так вот я поступил, как герой его повести «Обмен», где герой тоже совершил обмен в угоду своему удобству. Но мораль его деяния всегда одинакова: платить за все приходится не квадратными метрами, а кровью, сердцем и ночными кошмарами.

Через несколько лет после брака в рутинной жизни старшего инженера с женой-пианисткой и маленьким ребенком стало понятно: «что-то все-таки не так, все не так, ребята». Ребенок рос, жена учила детей играть на рояле одно и то же произведение, которое я до сих пор знаю наизусть. Оно называлось «Инвенции И. Баха». Она сама учила его и делала всегда ошибки в первой и третьей частях. Дети, которые учились у нее, делали те же ошибки; и моя дочь тоже играла «Инвенции Баха». Фальшивые ноты данного произведения довели меня до крайности, и я начал изменять жене предпочтительно с женщинами без голоса, музыкального слуха и с отсутствием ритма.

Условий для адюльтера при социализме было немного. Гостиницы недоступны, у друзей тоже не забалуешь. Только поездки в колхоз давали некий оперативный простор. Были еще командировки, но это не носило системного характера. А вот в деревне на сене под портвейн рушились моральные устои целых структурных подразделений. Страсти кипели нешуточные: у застенчивых научных сотрудников срывало крышу. Я думаю, что это была явная антисоветская деятельность. Диссидентствовать, по сути, было опасно, а вот разрушить социалистическую мораль таким приятным способом было даже очень, очень. Тем более что направить свои усилия при социализме было некуда. Можно было читать книжки, ходить в театр – то есть смотреть на чужую жизнь, поэтому и были аншлаги и большие тиражи. И только завалить в колхозе машинистку или конструктора III категории – в этом было нечто героическое, праздничное и жизнеутверждающее. Гормоны ничего не стоили, дефицита у людей с этим не было, т. к. Госплан эту номенклатуру не планировал. Вот они и обменивались ими без контроля внешних и внутренних органов. Все же радостно, что природа выше, чем государство и общественный строй. Я тоже по мере сил гармонизировал свои отношения, используя нестандартные методы обольщения. Моим учителем был доцент медицинского вуза, профессорский сын, которому показали больную Ахматову. Он удивил Анну Андреевну тем, что в шестилетнем возрасте наизусть прочел ей «Реквием». Эта встреча была для него судьбоносной. Он поверил в силу стихотворного слова и в дальнейшем пользовался всем многообразием данного вида искусства. Он был высокохудожественным персонажем, книгоман, библиофил в золотых очках. Круг его почитательниц составляли актрисы местного драмтеатра, студентки филфака, молодые преподавательницы музыкального училища – в общем, богема. Время было небогатым.

Вот каким мне запомнился день рождения ведущей актрисы академического театра с зарплатой 84 рубля в расцвете творческой карьеры. Она проживала в театральном общежитии, где в четырехкомнатной квартире жили три актрисы, а в одной из комнат – дирижер

оркестра с первой скрипкой и собакой от первого брака. Дирижер недавно ушел от старой жены из-за эстетических разногласий. Она не разделяла такое увлечение мужа, как Шнитке и Пейдж, а скрипачка разделяла и таким образом стала делить и супружеское ложе, и близость на ниве авангардизма. Что может быть возвышеннее?! Старая жена требовала назад собаку, а муж не отдавал, обидевшись, что в сухом остатке собака ей была дороже, чем он сам. Вот в такой дом мы пришли с доцентом на день рождения к актрисе трагического дарования, идолом которой была Анна Маньяни. Наша Анна была малорослой и неказистой, но с глазами Жанны д'Арк. Ее амплуа было травести, то есть играть мальчиков в тюзовских спектаклях. Она претендовала как минимум на Джульетту и принцессу Турандот – мы не отговаривали. В будущем поклонение Маньяни изменило ее. Она упала на репетиции «Ромео и Джульетты» в оркестровую яму, сломала позвоночник, долго ходила в корсете, и профком выделил ей дубленку. Она блистала в ней лет двадцать, вышла замуж за сына Героя Советского Союза, местного мажора. Он ее бил смертным боем, бросил ее, оставил с больным ребенком. Я же увидел ее через тридцать лет седой старухой с ненормальными глазами и званием заслуженной артистки республики. Но этого еще с ней тогда не случилось.

Ей было двадцать лет, и она только начинала свою карьеру. Мы с доцентом принесли бутылку вина «Узбекистан» за 2 руб. 20 коп. Я подарил ей книгу А. Перрюшо «Тулуз-Лотрек»; она поставила на табуретку пачку печенья, и пир начался. Доцент читал Пастернака, скрипачка наигрывала импровизации, собака выла! Всем было хорошо. Вина пили мало – слишком духовной была атмосфера. Вечером выключили свет. Зажгли свечи, и доцент запел Галича. Градус происходящего повышался. Девушка Белла с филфака стала шарить у меня в брюках для полноты чувств. Она считала себя похожей на молодую Ахматову на известном портрете в фиолетовом платье, но сходство было очень условным. Единственным признаком сходства была челка – в остальном же она была толстой, неуклюжей еврейской девушкой, растленной поэтом-доцентом. Доцент научил меня, что есть три книги, которые могут завалить любую интеллектуалку. Б. Пастернак – из серии «Библиотека поэта», сборник «Камень» О. Мандельштама и Марина Цветаева в издательстве «Академия». Нужно было сделать три укола. Первое – начать с Цветаевой, два-три хита, потом Мандельштам, что-нибудь социальное и напоследок «Свеча горела» Пастернака. Третий выстрел был всегда контрольным, и фигурантка сама просила войти в нее, трепеща и дрожа. Доцент говорил, что были и крепкие орешки. И тогда у него был отравленный кинжал Гумилева «На озере Чад...». Был случай, когда после этого ему предлагал себя замдекана лечебного факультета, член партии.

Под чтение доцента я сумел овладеть актрисой, которая не была приглашена на праздник, а просто жарила картошку с тушенкой на кухне. Я думаю, что это был побочный эффект поэзии Серебряного века.

Уехал я из этого города навсегда и много лет спустя приехал с Максимом Дунаевским на его творческий вечер. Он был в расцвете своей славы, жена – Андрейченко, «Мэри Поппинс» и т. д. Мы с ним успешно все провели. Мои друзья пригласили нас на обед. Люди они были хорошие, добрые, интеллигентные, с глазами, в которых горел синий свет «Нового мира» и блики «Зеркала» Тарковского.

Они тихо радовались рядом с маститым композитором. Он был мил, доступен, поиграл на инструменте, попел с моими друзьями, плотоядно поглядывая на местную Клеопатру из района, которая в принципе могла ему дать для своей кредитной истории. Муж ей тоже нравился, но дать человеку из телевизора – соблазн великий. Максим не решился, а она тоже не блядь же какая-то.

Так вот доцент на праздник не пришел, стушевался. Хотел прийти с письмом своего папы-профессора к Исааку Осиповичу Дунаевскому, но письмо не нашел. А просто прийти считал неловким – зассал, в общем.

Стихами теперь никого не возьмешь! Прервалась связь времен...

Путешествие по горячей путевке

Сегодня, когда Украина вздыбилась и ее разрывают на части, я вспомнил благословенный 1973 год, когда по возвращении со службы в армии мне дали горящую путевку на турбазу в Закарпатье. Я приехал в маленький городок под Мукачево, где поселился в домике и стал готовиться в поход. Схема была такой: вы приезжаете на базу, два дня вас инструктируют, потом вы сдаете вещи, надеваете горные ботинки и прочий инвентарь и идете штурмовать свой Эверест. Группа у нас была чудная: женщины в возрасте 20–50 лет, я, демобилизованный воин, отставной летчик с четырнадцатилетним сыном и откинувшийся зэк из Архангельска, тоже, как ни странно, получивший путевку. На второй день была экскурсия по городу, где было две достопримечательности: хозяйственный магазин и Доска почета, где были выставлены фотографии почти всех жителей. Я плохо слушал старшего инструктора, и он обещал сгноить меня на перевале. Инструктор на турбазе – это бог, сильный, самый умный, Петрарка и Геракл в одном лице. Вечером пришла очередная группа из похода, и мы должны были ее встречать с цветами и улыбками. Напротив меня оказалась молодая женщина тридцати лет с измученным от походных страданий лицом. Я подарил ей букетик полевых цветов, и она мигнула мне, что сегодня вечером приглашает меня на банкет в свою палатку. Когда я пришел в их группу, они уже выпили ящик вина «Биле мицне» литрового исполнения. Моя женщина посадила меня рядом, как жениха, и я понял, что стал орудием мести ее инструктору, который пренебрегал ею в походе или не успел. Она налила мне кружку «Биле мицне», и я потерял сознание в ее палатке; она легла рядом и завывала дурным голосом. Я ее успокоил и стал искать близости. Близость не налаживалась, она была недоступной, я напрягался, но вход был закрыт.

Исповедь ее меня потрясла. Дожив до тридцати лет, она, не зная любви, вышла замуж за учителя труда, который две недели не мог ее дефлорировать. Однажды, рассвирепев, он ударил ее в сердцах, и все случилось. И с тех пор, для того чтобы она открылась, ей надо было дать по роже (по науке это называется вагинальный спазм).

Я встал перед дилеммой: дать или не дать ей в глаз? Моя мама воспитывала меня, что женщину нельзя ударить даже цветком, а тут?! Но она так просила, что пришлось уступить. На следующий день, сдав вещи, мы отправились в поход. Я сунул в носок десять рублей, понимая, что до цели дойдут не все.

На меня надели рюкзак с 40 бутылками «Биле мицне», и я пошел. Метров через пятьсот я предложил сброситься на автобус и передвигаться на механической тяге. Но народ рвался в горы. Когда женщина-врач из Казани упала в обморок, сделали привал, и я понял, что уже не встану, но мужская гордость победила, и я дошел до приюта, где упал замертво. Ночью к нам в приют пришли местные пастухи и покрыли желающих по-простому. Дефицит мужчин в группе был очевиден, поэтому использовали даже малолетнего сына летчика. Я не участвовал и начал роман с хорошей девочкой из Питера. Летчик и зэк уже на второй день имели гарем, остальные были на листе ожидания.

Через два дня мы пришли на благоустроенную базу под Мукачево, где был душ и чистые простыни. Утром на территорию базы приехали люди из съемочной группы фильма «Мария» и позвали желающих в массовку. Я пошел, и меня взяли на роль румынского солдата. Фильм был про империалистическую войну. Уже на площадке я не прошел кастинг и из актера превратился в зрителя съемочной площадки. Из звезд участие принимали Конкин, имевший шумный успех в фильме про Павла Корчагина, и Боря Хмельницкий. Это был первый съемочный день; они разбили тарелку, и вечером в ресторане «Беркут» был банкет. Я, как участник съемок, позвал свою девушку посмотреть на кино изнутри.

Группа быстро нажралась, Конкин орал, что его заебали папарацци, и мир грез до сих пор у меня вызывает отвращение.

Через несколько дней мы вышли к подножию горы Говерла (2,5 тыс. м над уровнем моря). Это был наш Эверест. Я шел в гору и пел песни Высоцкого из кинофильма «Вертикаль». Поднявшись на гору, я гордился собой, что сделал это. В самый высокий момент эйфории я увидел старушку, которая шла с другой стороны горы с двумя мешками. Я спросил ее, куда она идет. «Домой из магазина иду», – ответила она. Мой подвиг померк, а вечером местный мужик рассказал мне, что до войны на гору затаскивали буфет и пили.

Я получил значок «Турист СССР» и больше в горы ни ногой.

Увидеть Париж и...

Что такое Париж для русского человека? Это наше все. Мечтать о Париже было бессмысленно, но люди там бывали: Хемингуэй был, Маяковский был, директор фабрики, где я работал, была. Она, как делегат XXII съезда КПСС, в составе делегации нашей партии была приглашена на съезд братской французской компартии. Я жил с ней в одном подъезде и видел, как она оттуда приехала с пакетами «Тати» и прочими дарами капитализма. Через неделю она устраивала встречу с интеллигенцией нашего производства для обмена впечатлениями. Все замерли от предвкушения, я тоже хотел подробностей. На дворе был 1970 год, и я знал, что умру, не увидев Парижа. Она начала издавека, первая фраза была очень модной. «Париж – город контрастов и полутонов», – сказала она. Очень ярко описала заключительное заседание ФКП, особенно ей понравилось, что в финале пели «Интернационал», а с балконов в зал бросили тонну гвоздик на бедные головы французских коммунистов. Это была их политическая смерть, скоро они погрязли в ревизионизме и отошли на позиции еврокоммунизма. Люди наши стали задавать ей вопросы: Эйфелева башня, то да се. Главный художник по носкам с волнением и дрожью спросила про Лувр.

Наша директриса сказала, что это круто: Мона Лиза, Венера, Роден. Самое же яркое впечатление от Лувра, которое потрясло всю ее жизнь, было в следующем. Она встретила в Лувре директора Оршанского льнозавода Семенова, прибывшего туда по линии Министерства торговли. Много лет спустя, в 1991 году, в моей семье осталось 800 долларов США. Дело было под их Рождество, и я решил показать своей жене Париж, а уж потом умереть. Тур был недорогой, отель возле вокзала Сан-Лазар, полторы звезды, но это было неважно. Мы ходили пешком, ели багеты, и все было прекрасно. Пришло время посещения Лувра.

Моя жена приехала в Париж в норковой шубе, которую я купил ей на гастролях одного популярного артиста, условием которого была норковая шуба местной фабрики. Это была не шуба, а мечта. Она была до пола, на вате и весила килограммов 70. Но мечта висела на жене достойно и богато. Бояться за шубу было нечего, Брижит Бардо живет под Парижем, а мы туда не собирались, хотя в Версале были – не понравилось, как-то бедновато во дворце, мебели мало и как-то убого.

Незнание реальной парижской жизни привело к драме. В Лувре, оказывается, нет гардероба, а ходить по музею в шубе жарко. Я взял шубу на руки и шел с ней. Расстояния в Лувре ого-го. Жена моя – женщина высококультурная, знала, что смотреть, через час я уже хотел умереть: бросить шубу нельзя, идти нет сил, а до Леонардо идти и идти. Но в Лувре есть буфет, я склонил жену выпить слегка, она поддалась, мы выпили и не дошли до Венеры. От шубы я был не только без рук, но и без ног. Теперь я член фонда защиты дикой природы, и шуб мы не носим.

Кони привередливые

В начале девяностых, в период первоначального накопления капиталов, появились люди, которые захотели отмечать свои праздники с размахом. Модными стали праздники с танцами, цыганами, приглашенными знаменитостями. Хотелось быть рядом с людьми известными, чтобы потом в бане сказать друзьям: будет юбилей, приглашу Леву и Аллу – пусть попоют у нас, и т. д. Этот диковинный новый быт быстро овладевал массами новых русских, армянских и прочих народов. В советские времена эта тема была актуальна на Кавказе и в среднеазиатских республиках. В России застолье было более скромным, и только номенклатура могла пригласить к себе в баню писателя почитать свои опусы возле бассейна.

Я работал тогда в связке с творчески одаренным художником и режиссером, делавшими первые шаги на ниве шоу-бизнеса. Потом они резко взлетели на этот олимп и сегодня в большом авторитете. Самым активным был художник: стремительный, обаятельный, брал с места в карьер и пер так, что остановить его мог только поезд – и то если бы он стоял к нему спиной. Но спиной наш друг по понятиям никогда не стоял. Поэтому все поезда шли с ним в одном направлении.

Режиссер был другим: более тонким, крепкий специалист с хорошим бэкграундом. Вот так случай объединил меня, коня и трепетную лань.

Все мы были провинциалами по происхождению; разного возраста, но что-то общее объединило нас. Жажда наживы владела нашими умами.

Опыта организации приемов, балов не было, по большому счету, ни у кого из нас. Некоторое преимущество было у меня, так как в 17-летнем возрасте я организовал выпускной вечер в школе рабочей молодежи в столовой строительной организации. Выпускники и руководство школы были довольны – я тоже. Остаток из восьми рублей был первым моим гоно-раром в шоу-бизнесе.

Появились клиенты с фантазией и без. Если человек хотел круто, но не знал как, – тут же приходили мы и рассказывали, что, где и как это будет. Однажды художник принес весть, что один крупный деятель решил отметить свой юбилей с выдумкой и небывалым пафосом. Художник уже плотно общался с клиентом. Он влюбил в себя этого непростого мастодонта, выяснив всю его биографию, то есть выполнил функцию врача, биографа, психоаналитика и задушевного друга. Дедушка хотел на своем юбилее увидеть эпохальное действо с элементом коронации и реинкарнации. Дедушка был весьма непрост, жил на Западе, бывал кое-где. Предыдущий юбилей отмечал в «Белладжио» в Лас-Вегасе, дочь женил в «Карлтоне» в Канне, имел дом в Лондоне и яхту в Сен-Тропе.

Мы предложили проиллюстрировать историю его жизни художественной концепцией «Ротшильд с Малой Арнаутской». Родился наш клиент в Одессе, и весь его жизненный путь был цветист и авантюрно закручен так, что ни Дюма, ни Акунин не смогли бы его изложить. А вот художник крупными мазками монументально рассказал его биографию в пределах выделенной сметы. Дедушка при анамнезе рассказал, что в детстве он хотел быть моряком, и получил перед входом в зал приемов скульптуру адмирала Нельсона, с фотографическим подобием, без черной повязки на глазу. Следующее воспоминание стоило клиенту полной копии самолета Антуана де Сент-Экзюпери с фигурой пилота, легко узнаваемого родственниками. Самолет летал в гардеробе клуба под фонограмму авиационного двигателя. Лестница, на которой юбиляр должен был принимать гостей, была украшена 3000 роз и напоминала филиал Ваганьковского кладбища во время богатых похорон. Но размер не имеет значения, как говорят в одной рекламе! Я согласен с этим утверждением – клиент всегда прав!

Приехать на свой бал на «Мерседесе» было банально, а вот предложение выехать в карете Людовика XIV понравилось дедушке, а мне – нет. Видимо, уже тогда я понял, что с этим будут проблемы, т. к. я доверяю не мозгу, а заднице, и она мне всегда говорит правду. Карету мы нашли на киностудии, а вот с конями было тяжело. Троек исконно русских было пруд пруди, а вот экипажи для четверки или восьмерки – это было непросто. Мы нашли конюха-концептуалиста, который брался найти четверку и снарядить экипаж. Лирический аспект биографии юбиляра вызвал к жизни букет сирени, который он подарил своей будущей жене в период ухаживания на берегу Черного моря. Все вроде срасталось, мы готовились к бою, и вот наступил день феерии. Время было холодное: зима, декабрь перед Рождеством. В зале уже стояли декорации, свет, звук, столы накрывались, фитодизайн. Вдруг выяснилось, что забыли сирень. Мы дали команду ехать за ней в Смоленск на таможенную, где она застряла по вине местных коррупционеров. Позвонил конник и сказал, что холодно и лошади приедут позже, чтобы не замерзнуть. Я, как человек слабохарактерный, пожалел лошадей, а себя приговорил этим. Художник меня предупреждал: никого не жалеть, а на мое утверждение «но они же люди» отвечал четко и прямо: «Люди – хуй на блюде». Он был, как всегда, прав. А я, поклонник абстрактного гуманизма, считал иначе и страдаю от этого до сих пор. Четыре часа было временем приезда коней, но они не ехали. Художник, сверкая глазами, пробегая мимо, шепнул: «Где эти ебаные кони?» – «Едут», – говорил я, и холод подступал к моему бедному сердцу. Мобильной связи тогда не было. Конюх выехал с базы в два часа дня, и в пять его еще не было. По моей информации, никакого цыганского съезда в городе не было, видимо, случилось нечто, чего я представить себе не мог. Через некоторое время в результате оперативно-разыскных мероприятий выяснилось, что машина с конями столкнулась с каким-то «жигуленком» первой модели на Таганке, управляемым пенсионером-летчиком. Наш трейлер разбил ему задние габариты, и он требовал масштабного расследования ДТП. Уговорить его было нереально. Вот таким образом мог рухнуть гениальный план коронации. История знает такие примеры: Наполеон под Ватерлоо чем не пример? К 19.00 все силы художественного кулака были стянуты. Свет блистал, оркестр штаба ВМФ примерз к трубам, камеры, телевизионщики были наготове. Но лошади жевали овес на Таганке, а я жевал соплю здесь. Я доложил партнерам о случившемся, и они покрыли меня ураганом теплых слов. Юбиляр уже прибыл и через видеонаблюдение из кабинета наблюдал съезд гостей. Здесь была вся Москва: депутаты Госдумы последнего созыва, народные лауреаты, три посла и все, все, все!

Я подошел к юбиляру и сказал, что лошади попали под «Жигули». Он закричал в ответ, что без кареты не выйдет к гостям. Народный певец, которому мы объяснили ситуацию, также увещевал его – нет! Хочу карету – вот и весь ответ. И тут, о чудо из чудес, из угла появляется огромный трейлер с конями. Мы судорожно выводим коней, переодеваем охрану юбиляра в берейторов и прочих лошадиных сопровождающих. Юбиляр сел в карету, наполовину одетая охрана – кто в париках, но без камзолов, другие, наоборот, в камзолах, но без париков – выглядела очень живописно. Гости опять вывели на улицу. Заиграли марш, «Мотор», съемка, встреча началась. Кони занервничали: свет, звук, пиротехника – и они понесли. Я представил, как этот царский выезд влетит в толпу, и мне стало нехорошо. Мы с художником бежали рядом с экипажем и пиздили лошадей палками от оформления экипажа. По провидению божьему за метр до подиума лошади замерли; пизданула пиротехника, и охрана нашего Людовика выползла на свет божий. Успех был ошеломляющий, гости посчитали это режиссерским ходом. Все покатилося своим ходом. Звезды сменяли друг друга, юбиляр был как бы доволен, но сирень была в Смоленске и распуститься по сценарию должна была в 4 утра. Проходя мимо меня каждый час, юбиляр спрашивал у меня одной и той же фразой: «Где сирень?» Я твердо отвечал, что все будет как положено. Гости уже нажрались, и им было все по барабану. Но сирень еще не распустилась, хотя нужна она была

только двум людям – нашему юбиляру и мне в первую очередь, так как отсутствие сирени на сцене плавно переносило меня на кладбище, где под сиреневым кустом моя бедная жена проведет остатки своей вдовьей жизни. Ровно в 3.55 сирень въехала в наш дворец, и бедный дизайнер внес коробки с сиренью, которую удалось отбить у таможенников, оставив в залог генеральную доверенность на квартиру дизайнера. Для придания товарного вида дизайнер хотел поставить сирень в воду, но тут я понял, что главная правда – не в искусстве, а в правде жизни, и волевым решением заставил его вынести ведра примороженной сирени ровно в 4 часа, когда юбиляр заканчивал спич о силе любви, пронесенной через годы. Сойдя со сцены, он посмотрел на меня, как Сталин на делегатов XVII съезда, и сказал: «Это не сирень, это говно!» Это заявление имело эстетическую платформу. По факту ему возразить было нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.